

ЮРИИ АНДУГАНОВ (Тарту)

СЛОЖНОЕ СЛОВО В ПЕРВОЙ МАРИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ*

О постановке вопроса о сложном слове в первой марийской грамматике (Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ черемисскаго языка, Санкт-Петербург 1775) нельзя говорить, так как в ней отсутствует специальный раздел по словосложению. Однако это не исключает разговора о композитах, ибо как известно, они происходят не иначе как из сочетаний слов или построены по модели словосочетания прошлого (см. Жирмунский 1963 : 29). Развитие же сложных слов от словосочетаний до немногосложных компактных слов предполагает постепенное ступенчатое изменение и в структуре нового слова. Например, сочетание *кугу ача* (= 'старший отец') со временем приобрело такое семантическое и грамматическое единство, что когда теперь говорящий оперирует словом *коча* 'дед', в его сознании не возникает ассоциации со сложностью этого слова в прошлом. Наряду со сложными словами, образование которых сопровождалось различными фонетическими явлениями, марийский язык знает такие сложные лексические образования, на стыке составных частей которых не произошло каких-либо звуковых модификаций. К ним относятся *индешлу* 'девянство' от *индеш* 'девять' и *лу* 'десять', *шешыдан* 'гречиха' от *шеш* 'черный' и *шыдан* 'пшеница' и т. д. Различная степень спаянности звеньев сложных слов влияет и на способ графической передачи их. Слитное написание этимологически сложных слов, например, несомненно, а написание комплексов типа *маска иге* 'медвежонок' до сих пор заставляет лингвистов обсуждать вопрос о слитном или раздельном их написании. Способы графической передачи в рассматриваемом труде отразили в какой-то мере природу марийских сложных слов.

В грамматике, которая по утверждению И. Г. Иванова является не просто письменным, но и ценным памятником литературного марийского языка (Иванов 1975 : 101), имеется более ста графически сложных лексических образований. В зависимости от степени спаянности компонентов сложные слова языка середины XVIII века дошли до нас через грамматику в слитном и дефисном изображении. Кроме того, есть основания полагать, что многие комплексы, переданные в виде сочетаний слов, тоже бытовали в языке того времени как композиты.

Расшифровка языкового материала, касающегося сложных слов, показывает, что слитное или раздельное написание компонентов зависело от ряда факторов. По-видимому, одним из важных факторов было восприятие марийских сложных лексических образований через русский перевод их частей. Причиной рассмотрения с точки зрения русского языка, под влиянием которого создавалась грамматика, следует считать

* Выступление на конференции, посвященной 200-летию марийской письменности, проходившей в мае 1975 г. в Йошкар-Оле.

раздельное графическое изображение компонентов при передаче понятий *мюкш абă* 'пчелиная матка', *аgă вуй* 'плугъ', *шемъ коракъ* 'грач', *ора шингă* 'муха', *штеръ вошторъ* 'метла', *вода пютюранге* 'нетопырь', *казă парня* 'мизинецъ', *лонка кюртнiо* 'лемехъ, заступъ', *руашъ лeнгешъ* 'квашня', *кужо кюртнiо* 'чертецъ'¹ и т. д.

Очевидным фактором, влияющим на написание сложных образований, могло оказаться стремление автора яснее раскрыть содержательную структуру слов. Едва ли, например, пользующийся марийским языком одинаково акцентировал части комплексов *оръ лiдо* 'чирокъ', *шемъ шиданъ* 'греча', *шиндцаланъ шiдо* 'щавель' и т. д., которые в памяти имеют знаки равнозначного ударения. Членораздельное произношение сложных комплексов *коржанге вуй* 'щеголенокъ', *шордо мiто* 'гонобобель' не могло послужить поводом для редуцирования гласных конца первого компонента, а начальные глухие вторых компонентов в удобном положении в комплексах *казă парня* 'мизинецъ', *кугуй парня* 'большой палецъ', *колъ кiчишо* 'мартышка' и т. д. не могли озвончиться. Так как фонетические изменения при образовании композит имеют немаловажное значение, оторванное произношение их частей, можно полагать, обусловило расчлененное изображение. В то же время возможным обстоятельством, повлиявшим на раздельное написание компонентов некоторых сложных слов, могло быть либо употребление их без фонетических модификаций, либо бытование в языке того времени обоих вариантов произношения. В силу этого были бы налицо, как и в грамматике, *колъ кiчишо* 'мартышка', *вода пютюранге* 'нетопырь', *туль кiо* 'кремень' и т. д.

Установление правил слитного и раздельного написания сложных слов — вопрос нелегкий. Он дискутировался в работах В. М. Васильева, Г. Г. Кармазина, И. С. Галкина, Л. П. Грузова, Ф. И. Гордеева, С. Д. Дмитриева, Н. И. Исанбаева, Г. С. Патрушева и других. Примерами двоякого написания сложных слов письменный марийский язык богат и сейчас. К тому же это не должно удивлять нас, так как сам агглютинативный тип марийского языка на каждом этапе его развития предполагает немало случаев образования слов путем сложения лексем. Кроме того, ему способствуют отдельные явления, наблюдаемые в современном языке. Например, своеобразной движущей силой при обильном образовании композит выступает употребление именной конструкции без посессивного оформления, т. е. без генитивного *н*-ового показателя в определяющей части и притяжательного суффикса в определяемой. Понятие, выражаемое в виде *кайыкын шулдыржо* (= 'птицы его крыло'), подразумевает скорее крыло определенной птицы, тогда как *кайык шулдыр* (= 'птицы крыло') выражает крыло птицы вообще. Следовательно, семантическая нагрузка конструкций неодинакова, последняя конструкция склонна к заметному абстрагированию называемого, что, как известно, очень важно при образовании сложных слов. Наличие такой потенциальной возможности в плане слитного графического оформления уже сложившихся в языке композит лишний раз подтверждает мысль о необходимости рационального подхода к проблеме в практике языкового строительства. Здесь уместно заметить: главной трудностью в данном вопросе остается отличие сложных слов от словосочетаний.

К сожалению, именно в вопросах отграничения сложных слов от словосочетаний в марийском языкознании до сих пор господствуют не совсем удачные толкования. Так, можно отметить статью С. Д. Дмитриева (1968: 54—62), который пишет: «При отграничении сложного слова от словосочетаний нужно учитывать, что основным признаком

¹ Переводы примеров соответствуют переводам памятника.

самостоятельности любого, в том числе и сложного, в отличие от словосочетания, является грамматическая цельнооформленность». Точка зрения С. Д. Дмитриева не выдерживает критики, она не приемлема целиком для марийского языка. Напомним, что критерий отличения сложных слов от словосочетаний по т. н. признаку грамматической цельнооформленности выдвинул А. И. Смирницким (1952: 200 и сл.), причем этот критерий оказывается неприменимым и для русского языка. По справедливому замечанию В. М. Жирмунского, «неприменим он в особенности ко многим языкам, имеющим по своему грамматическому строю менее четкое морфологическое оформление, чем индоевропейские языки флективного типа» (Жирмунский 1963: 32).

Итак, в «Сочинениях...», как отмечено выше, сложные лексические образования переданы графически по-разному. Слова *не́ръ-рожъ* 'ноздри', *шиндза́-аулъ* 'брови', *шиндза́-пунъ* 'ресницы', *умла́-вуй* 'хмелевая шишка', *вю́тъ-уа́* 'тальник', *каикъ-о́нъ* 'орел', *пи́орт-ка́икъ* 'воробей', *ту́ль-вуй* 'головня', *ко́нъ-вю́ть* 'щелокъ' и другие пишутся с дефисом; *ко́ло* 'двадцать', *пи́льпомъ* 'небо', *вуйле́пъ* 'верхушка', *и́кур* 'копейка', *ви́тлиръ* 'полтина', *ло́мбо* 'черемуха', *о́лману* 'яблоня', *пура́вита* 'конюшня', *ко́кшюдо* 'два ста', *кугуаба́* 'бабушка', *куака́* 'тетка', *кугузя́* 'старик', *кудопи́че* 'дворь' и некоторые другие — слитно. Неоднородность в графической передаче сложных лексических образований, нам кажется, вполне объяснима. Раздельное, дефисное и слитное написания могли соответствовать степени спаянности компонентов (на которую, между прочим, могут влиять такие экстралингвистические факторы, как продолжительное совместное употребление их и частота его, см. Kull 1967: 613—615).

В грамматике интересно для современности указание ударений в сложных словах. Многие марийские лингвисты, говоря о признаках сложного слова, утверждают, что оно имеет одно ударение, которое должно падать на последний компонент (см. об этом материалы дискуссии по правописанию марийских сложных слов на страницах «Ончыко» за 1962 и 1963 гг.). В рассматриваемом же памятнике вместо привычных для нас композит с ударением во второй части находим композиты с зафиксированным ударением в первой части, например: *шиндза́-пунъ* 'ресницы', *ту́ль-вуй* 'головня', *не́ръ-рожъ* 'ноздри', *о́лману* 'яблоня'. В таком случае, очевидно, не будет ошибочным утверждение, что в языке XVIII века композиты с ударением в первом компоненте были распространены шире, чем в настоящее время. Многие слова, которые и сейчас не противоречат звучанию, отмеченному в «Сочинениях...», видимо, имеют большую традицию существования в виде устойчивых композит. К ним относятся: *ко́ло* 'двадцать', *ши́млу* 'семьдесят', *ка́ндашлу* 'восемьдесят', *индэ́шлу* 'девяносто', *ло́мбо* 'черемуха', *луати́кте* 'одиннадцать', *луатко́ктотъ* 'двенадцать', *луатку́мутъ* 'тринадцать', *луатни́литъ* 'четырнадцать', *луатви́зитъ* 'пятнадцать', *луатку́дутъ* 'шестнадцать', *луаткандáше* 'восемнадцать', *пошкúдо* 'соседь', *сапо́ндо* 'цѣпъ' и т. д. Комплексы *ага́ вуй* 'плугъ', *лопка́ кюртнiо* 'лемехъ, заступъ', *капка́ мѣнге* 'верей', *кугу́ парня́* 'большой палець', *покише́ль парня́* 'безимьянной', *каза́ парня́* 'мизинець', *неме́ць пурса́* 'бобъ', как видно, переданы с одним главным и одним побочным ударениями. Причиной раздельной графической передачи звеньев приведенных комплексов, вероятно, послужило наличие побочного ударения. По наблюдениям Л. П. Грузова (1962: 99) и Е. И. Коведяевой (1970: 44—45, 63—67), сложные слова и в современном марийском языке могут иметь основное и побочное ударения. Так что названные комплексы по сути представляли собой композит, тем более зафиксированные с равнозначными ударениями сочетания *кинéръ вуй* 'локоть', *ну́жъ шу́до* 'щавель', *ше́мъ*

шидánъ 'греча', *йошкаръ юшмэнъ* 'свекла', *ошомъ шюлюшъ* 'земляная пчела' и т. д. знакомы нам теперь как композиты. Отсюда следует, что характер ударения в сложных словах языка XVIII века и сравнение его с современной акцентуацией позволяют говорить о тенденции к перемещению ударения на конечный компонент, вследствие чего не исключается возможность бытования многих современных композит в стадии такого перемещения. Учет названного явления позволяет объективнее подойти к проблеме сложного слова в современном марийском языке.

Таким образом, в первой марийской грамматике, вышедшей в свет 200 лет назад, отчетливо проявляется стройная и последовательная система практического внедрения понимания сложного слова. Отнести к разряду сложных слов хотя бы образования типа *вють-уа* 'тальник', как это сделано в грамматике, осмелится и сейчас не каждый лингвист, и в этом отношении надо отдать должное памятнику. Первая марийская грамматика выступает сегодня как пример пополнения словарного состава национального литературного языка сложными лексическими образованиями; как будто два столетия назад было хорошо понятно, что пренебрежение собственной словообразовательной возможностью марийского языка служит известным тормозом в развитии письменности и обогащении лексического состава литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Грузов Л. П. 1962, Сложный мут-влакым кузе возаш. — Ончыко № 2, Йошкар-Ола, стр. 95—103.
 Дмитриев С. Д. 1968, К вопросу о правописании сложных слов в марийском языке. — Вопросы марийского языкознания. Вып. II, Йошкар-Ола, стр. 54—62.
 Жирмунский В. М. 1963, О границах слова. — Морфологическая структура слова в языках различных типов, Москва—Ленинград, стр. 6—33.
 Иванов И. Г. 1975, Марла книган туналтышыже. — Ончыко № 1, Йошкар-Ола, стр. 100—102.
 Коведяева Е. И. 1970, Проблемы акцентуации марийского языка, Москва.
 Смирницкий А. И. 1952, К вопросу о слове (проблема «отдельности слова»). — Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, Москва, стр. 182—203.
 Kull, R. 1967, Liitnimisõnade kujunemine eesti kirjakeeles. Tallinn, (канд. дисс., рукоп.).

JURII ANDUGANOV (Tartu)

KOMPOSITA IN DER ERSTEN MARISCHEN GRAMMATIK

In der ersten, vor 200 Jahren erschienenen marischen Grammatik kann man ein einheitliches und folgerichtiges System der Auffassung von den Komposita feststellen. Die Schreibung der Wörter widerspiegelt ausdrücklich den Grad der Verbundenheit ihrer Komponenten in der Sprache jener Zeit. Es ist interessant festzustellen, daß bei einigen zusammengesetzten Wörtern, die die Betonung auf der ersten Komponente hatten, dieselbe in der Sprache der Gegenwart auf die letzte Komponente fällt.